

Но у прадедушки Ипполита была очень нелёгкая судьба. Родился он 12 февраля 1916 года в деревне Старокалмакова Щучанского района Курганской области в очень бедной семье. Детей было пятеро. Его родители, Агафья Николаевна Лысова и Егор Степанович Неустроев, были работниками у богатого сельчанина Самохвалова.

В 1919 году был страшный голод, умер отец. Конона и Марию пришлось отдать на воспитание в чужую семью, остались Ивоило, Ипполит, Василиса. Но самое страшное для прадедушки, оказалось, было впереди.

В 1940 году в феврале молодого Ипполита призвали в Красную армию. Служил он в 355-м артиллерийском полку в Иране. А через полтора года началась война. Воевать пришлось на Керченском полуострове. Во время Керченско-Феодосийской операции он был контужен и попал в плен.

Их угнали в Польшу. У нас в семье хранятся записи его воспоминаний, где он рассказывает о своей нелёгкой жизни в плену: «Конечно, там были сотни, таких как я. И у каждого была своя судьба. Некоторые сразу теряли надежду выжить и поэтому даже не сопротивлялись и не думали о другой доле. Каждый день нас выстраивали на площади перед бараком, и этот строй с каждым днем таял, потому что фашисты искали среди нас евреев, находили и уводили куда-то. Особенно тревожно было тем, у кого чёрные волосы и смуглая кожа. «Петлюровцы», так мы называли поляков, служивших у немцев, подходили к каждому в строю и, тыкая в грудь автоматом, спрашивали: «Жид? Жид?». Люди опускали глаза, но это их не спасало.

И вот мы с двумя товарищами задумали побег. Вечером, когда стемнело, мы попластунски поползли к колючей проволоке, чтобы попасть за территорию лагеря. Но когда мы уже были у цели, нас осветило прожектором, и тут завывли сирены, залаяли собаки, раздалась пулемётная очередь. Один из моих товарищей остался лежать на колючей проволоке, а нас двоих посадили в карцер. Жить стало ещё хуже. Каждый день открывалась железная дверь и нам бросали кусок чёрного хлеба. Первые дни не хотелось есть даже его. Вскоре мы решили снова бежать. Казалось, продумали всё до мелочей, но нас заметили ещё на территории лагеря. Товарищ мой был убит гитлеровцем, а мне повезло. В нескольких десятках метрах от барака была узкоколейка. На ней стоял вагон, гружённый углём, мне удалось заскочить в него и зарыться в уголь. Я не слышал, что происходило вокруг, так как сердце отчаянно билось. Когда я немного успокоился, то услышал лай собак, он явно приближался. И вот уже над моей головой они разгребают уголь, слышен говор немцев и автоматные очереди. Так продолжалось несколько дней. Ночью, когда всё утихало, я разгребал уголь, ложился сверху и ел по крохам хлеб, потом ложился на спину, думал и наблюдал за звёздами. Много я передумал за эти дни, но как уйти отсюда, я не знал.

В эти трудные дни выжить мне помог чёрный хлеб, который я не хотел есть в карцере.

И вот однажды открылись огромные железные ворота, и на территорию лагеря въехал паровоз. Окутывая вагон, в котором я лежал, клубами пара, он приблизился к нему. Из кабины вышел человек. Я услышал чужую речь, наверно, это были поляки. Счастье и волнение охватило меня, на время я потерял сознание. Очнулся я от резкого толчка. Состав остановился неподалеку от леса. Выбраться из вагона не было сил, но желание жить было сильнее. Я дождался, когда наступят сумерки, выбрался из вагона и ползком стал пробираться к лесу.